

ЯЗЫК И МЕТОД

JĘZYK I METODA | 7

JĘZYK ROSYJSKI W BADANIACH LINGWISTYCZNYCH XXI WIEKU

REDAKTORZY
DOROTA SZUMSKA
KRZYSZTOF OZGA

ЯЗЫК И МЕТОД | 7

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XXI ВЕКА

РУССКАЯ ПУНКТУАЦИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

РЕДАКТОРЫ
ДОРОТА ШУМСКА
КШИШТОФ ОЗГА

Publikacja dofinansowana przez Uniwersytet Jagielloński ze środków Wydziału Filologicznego

REDAKTORZY SERII

dr hab. Dorota Szumska, prof. UJ
dr Krzysztof Ozga

RADA NAUKOWA / НАУЧНЫЙ СОВЕТ

prof. Károly Bibok
prof. Laura A. Janda
проф. Оксана С. Иссерс
проф. Михаил Ю. Федосюк
проф. Максим А. Кронгауз

REDAKTORZY TOMU

dr hab. Dorota Szumska, prof. UJ
dr Krzysztof Ozga

RECENZENCI

prof. Maksim Krongauz
prof. Aleksander Kiklewicz
prof. Oleg Leszczak
prof. Boris Norman
prof. Tadeusz Szerbowski

SEKRETARZ NAUKOWY

dr Gabriela Dudek-Waligóra

KOREKTA I ADIUSTACJA TEKSTÓW ROSYJSKICH

mgr Maciej Tomaka

KOREKTA TEKSTÓW ANGIELSKICH

mgr Maciej Tomaka

PROJEKT OKŁADKI

Dorota Szumska

© Copyright by Dorota Szumska, Krzysztof Ozga & Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego

Wydanie I, Kraków 2021

All rights reserved

Niniejszy utwór ani żaden jego fragment nie może być reprodukowany, przetwarzany i rozpowszechniany w jakikolwiek sposób za pomocą urządzeń elektronicznych, mechanicznych, kopiujących, nagrywających i innych oraz nie może być przechowywany w żadnym systemie informatycznym bez uprzedniej pisemnej zgody Wydawcy.

ISBN 978-83-233-5023-1

ISBN 978-83-233-7257-8

ISSN 2299-5668

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
JAGIELLOŃSKIEGO

www.wuj.pl

Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego

Redakcja: ul. Michałowskiego 9/2, 31-126 Kraków

tel. 12-663-23-81, tel./fax 12-663-23-83

Dystrybucja: tel. 12-631-01-97, tel./fax 12-631-01-98

tel. kom. 506-006-674, e-mail: sprzedaz@wuj.pl

Konto: PEKAO SA, nr 80 1240 4722 1111 0000 4856 3325

Содержание

От редакторов	9
I. Как закалялась... пунктуация	11
<i>Алексей Дмитриевич Шмелев</i>	
Вопросы пунктуации в работе Орфографической комиссии Российской академии наук: лингвистические основы кодификации	13
<i>Михаил Яковлевич Дымарский</i>	
Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил	21
<i>Тамара Анатольевна Буданова</i>	
Особенности пунктуации при слове <i>действительно</i>	33
II. Пунктуационный сценарий текста	47
<i>Валентина Николаевна Калиновская, Ольга Альбертовна Старовойтова</i>	
О кавычках, скобках и не только... в русском тексте XIX в. Часть I. К вопросу о роли «тире» в текстах периодической печати ...	49
<i>Ольга Викторовна Трофимова</i>	
Особенности пунктуации рукописных деловых текстов (на материале тюменских архивных документов 1762–1796 гг.)	59
<i>Дмитрий Владимирович Руднев, Светлана Викторовна Друговейко-Должанская</i>	
Распределение знаков препинания в современной деловой письменности	73
<i>Полина Алексеевна Рожкова</i>	
Особенности синтаксической организации и пунктуации в рекламном тексте рубежа XIX–XX вв. (на примере региональной прессы)	85
<i>Ирина Владимировна Бугаева</i>	
Расставить все точки... в рекламных текстах	97
<i>Алсу Флюровна Исмаилова</i>	
Пунктуация как способ организации диалога в рекламном тексте	107

<i>Анна Юрьевна Большова</i>	
Дискурсивные характеристики русской пунктуации в формировании диалогичности художественного текста	115
<i>Наталья Валерьяновна Изотова, Людмила Владимировна Табаченко</i>	
Пунктуационные знаки в художественном диалоге (на материале русской литературы XIX – начала XX вв.)	125
<i>Тамара Степановна Пристайко</i>	
Функционально-смысловой потенциал некоторых знаков препинания в русских научно-технических текстах	133
III. Авторская пунктуация как идиостилевая доминанта	143
<i>Елена Николаевна Широкова</i>	
Текстовая пунктуация поэзии шестидесятников: когнитивно-дискурсивный и коммуникативно-прагматический аспекты	145
<i>Анна Владимировна Гик</i>	
Система пунктуации в драме Ильи Зданевича «Янко крУль албАнской»	155
IV. Новая жизнь – новые правила	163
<i>Евгений Флорентович Киров</i>	
Запятая в системе qwerty/йцукен-письма	165
<i>Ольга Игоревна Северская, Лариса Васильевна Селезнева</i>	
Пунктуация: деловая и... цифровая: о знаках препинания в современной бизнес-коммуникации	173
<i>Томас Брунс</i>	
Пунктуационные знаки и смайлики – объединяющие и разделяющие функции в цифровой коммуникации	185
V. Препинать: задержать в движении	197
<i>Алевтина Анатольевна Калинина</i>	
Знаки конца предложения как знаки эмоций	199
<i>Юлия Михайловна Кувшинская, Анна Алексеевна Аксенова</i>	
Пунктуация в предложениях с союзом <i>то есть</i> как отражение развития дискурсивных функций	211

Оксана Юрьевна Чуйкова

- «Точки» и «запятые» в структуре ситуации: абсолютный и относительный предел и средства их выражения (аспектуальные характеристики и падеж прямого дополнения) 221

Даики Хоригути

- Глагольная синонимия в тексте: пунктуация, синтаксис, орфография .. 233

Лариса Эриковна Найдич, Анна Владимировна Павлова

- Предикативный атрибут в русском языке. Грамматика, семантика, пунктуация 243

Александр Александрович Малышев, Карина Флюровна Низамутдинова

- Семантика и прагматика парцелированных конструкций в текстах социальных репортажей 259

Анна Стасенко

- Парцелированные предложения в современном русском и польском языках 269

Марина Александровна Харламова

- Маркирование кавычками в сибирской публицистике XIX в. как средство актуализации языковых процессов и источник толковой и исторической лексикографии 279

Татьяна Семеновна Садова

- «Холодная война» в кавычках: фиксация устойчивого выражения в русском публицистическом тексте 289

- VI. Расставить все точки над... е?** 297

Людмила Львовна Фёдорова

- Диакритики в графической системе языка: нужно ли проставлять точки в ё? 299

- Сведения об авторах 311

Юлия Михайловна Кувшинская

Анна Алексеевна Аксенова

Россия, Национальный исследовательский университет – Высшая школа
экономики

Пунктуация в предложениях с союзом *то есть* как отражение развития дискурсивных функций

Ключевые слова: пунктуация, коннекторы, союзы, аппозитивные конструкции, парцелляция, пояснительные отношения, отношения эквиваленции.

Key words: punctuation, connectives, conjunctions, appositional constructions, parcelling, explanatory relations, discourse relations.

Abstract

The paper deals with punctuation features in sentences with the connective *to est'*. The data of the Russian National Corpus shows an increase in the frequency of using the connective at the beginning of an independent sentence, after a period. The paper discusses the differences between *to est'* in the middle and at the beginning of sentences: the ability to express certain relationships between text fragments, syntactic conditions of the use, the conditions under which the fragment introduced by *to est'* cannot be formed as part of the preceding sentence and follow after a comma.

Введение

Работа посвящена современным особенностям пунктуации при союзе *то есть* в русском языке¹. Предметом исследования является употребление коннектора *то есть* после точки, в начале предложения. Семантическая структура *X то есть Y* [In'kova, Gur'ev 2018: 47] в таких употреблениях получает синтаксическое оформление: *X. То есть Y*.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

(1) *По глазам диагноз не поставишь, да и данные осмотра должны подтверждаться лабораторно. А лаборатория стоит десятки тысяч долларов. То есть хороший частный кабинет должен быть при какой-то крупной структуре* [«Автопилот», 2002.01.15].

Союз *то есть* характеризуется в [Švedova 1980] как пояснительный, указывающий «на тождество, равнозначность соотнесенных ситуаций». Русская корпусная грамматика рассматривает его как маркер свободной аппозитивной конструкции, выражающей отношения эквиваленции [Imennye appozitivnye konstrukcii 2019]. [In'kova, Gur'ev 2018] убедительно показывают, что *то есть* маркирует отношения поясняющего переформулирования, и эта функция является общей для всех возможных употреблений коннектора.

Согласно Пряткине и др. [Priâtkina i dr. 2001: 131–141] и Иньковой и Гурьеву [In'kova, Gur'ev 2018], союз *то есть* может соединять компоненты разного морфосинтаксического статуса: прежде всего, синтаксические группы и предикативные структуры разной сложности. В большинстве случаев компонент *У*, вводимый *то есть*, входит в состав предложения и присоединяется через запятую (реже – заключается в скобки) (далее – *то есть* 1).

Однако *то есть* может выражать отношения между высказываниями и более крупными частями текста. В этих случаях компонент *У* представляет собой самостоятельное предложение, которое, согласно Пряткине и др. [Priâtkina i dr. 2001: 139–140], обычно находится в середине абзаца (далее – *то есть* 2). Кроме того, *то есть* может иметь характер «фразы-скрепы» частей текста («То есть так»), начинать парцеллят, использоваться в диалоге (для переспроса, уточнения и др. – Ю.К., А.А.) [Priâtkina i dr. 2001: 139–140]. Инькова и Гурьев указывают также контексты, в которых *то есть* соединяет незаконченные фрагменты текста и выступает в функциях коррекции и hesitation [In'kova, Gur'ev 2018: 55–57, 65–69].

Употребление *то есть* после точки становится все более частым в современной русской речи, как разговорной, так и письменной, книжной. Так, С.О. Савчук отмечает высокую частотность *то есть* в начале предложения в устной научной речи; при этом *то есть* нередко заменяет собой союзы, выражающие различные смысловые отношения, помимо пояснения или переформулирования, или «употребляется с размытой семантикой, близкой к дискурсивным словам» [Savčuk 2019: 91–92].

По данным Основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), доля контекстов, в которых *то есть* начинает предложение, неуклонно растет. Анализ выборки из 4000 примеров (по 1000 примеров за каждый век с XVIII по XXI, до 2019 г. включительно) показал, что если в XVIII в. употребление *то есть* в начале предложения было чрезвычайно редким (общая доля употреблений *то есть* 2 составляла 4% – 43 примера), то затем оно встречается все чаще. В XIX в. оно составляет около 16% (158), в XX в. – 27% (272), а в начале XXI в. – 41% (410).

При этом если в XVIII в. *то есть* встречается в НКРЯ в начале предложения исключительно в монологическом контексте без функции хезитации или коррекции, нередко для оформления перевода предшествующей фразы, то затем, во многом с развитием художественной литературы, появляются употребления в функции хезитации или коррекции, в диалоге в функции переспроса, уточнения. В то же время большинство составляют примеры, в которых *то есть* употребляется в начале отдельного законченного предложения в монологическом тексте, в прототипической функции пояснительного коннектора (в выборке за XXI в. доля таких примеров составляет примерно 31% от общего числа контекстов с *то есть* и 75% от всех примеров с *то есть* в начале предложения).

Предметом данной работы будут именно случаи употребления коннектора в начале законченного предложения в монологическом тексте (*то есть* 2), вне диалога, без функции хезитации или коррекции, – т.е. в таких контекстах, где можно было бы ожидать постановку запятой перед *то есть*. В задачи работы входит:

Описать функции коннектора *то есть* при употреблении после точки и отношения между соединяемыми фрагментами (X и Y);

Выяснить, насколько взаимозаменяемы способы оформления фрагмента, вводимого *то есть*, как самостоятельного высказывания и как части высказывания и можно ли говорить о конкуренции или о дистрибуции коммуникативных и пунктуационных стратегий при употреблении *то есть*?

Выявить прагматические цели и эффект оформления компонента Y как самостоятельного высказывания.

Анализ проводился на материалах Основного подкорпуса НКРЯ за XXI в., всего 1000 примеров, из которых 490 – контексты, в которых *то есть* вводит самостоятельное законченное предложение; из них 261 пример – без парцелляции и вне диалога².

Поскольку коннектор способен соединять синтаксические компоненты разной сложности [Priâtkina i dr. 2001: 139–140; In'kova, Gur'ev 2018: 49], то важно определить синтаксические характеристики рассматриваемых контекстов. В тех контекстах, где Y выражен синтаксической группой и перед *то есть* ставится точка, мы имеем дело с парцелляцией или незавершенным высказыванием. Нас же будут интересовать те случаи, когда Y выражен предикацией (финитной клаузой), оформленной как самостоятельное предложение или как часть сложного предложения, не включающего компонент X. При этом Y может быть представлен финитной клаузой и в тех случаях, когда он присоединяется к предшествующему контексту, а перед *то есть* ставится запятая. Поэтому работа имеет целью выявление условий, при

² Именно это количество (261) принималось за 100% при дальнейших подсчетах.

которых вводимый *то есть* и выраженный финитной клаузой компонент *У* оформляется как самостоятельное законченное предложение.

Функции *то есть* и отношения между частями текста

В МАС [Evgen'eva 1981] выделены две основных функции *то есть* – *то есть* пояснительное (такова функция союза в (1)) и *то есть* поправки, оговорки.

Словарь Пряткиной и др. [Priatkina i dr. 2001: 130] дает еще одно значение – *то есть* «интерпретирующее»: «объясняет явление», «определяет значимость факта», дает оценку, «особое мнение», «точку зрения».

Исходя из этих классификаций, в монологических контекстах, в которых *то есть* вводит самостоятельное законченное предложение, коннектор используется в функциях пояснения (8, 9) и интерпретации (1, 4, 5 и др.).

Однако, согласно Иньковой и Гурьеву, контексты с пояснительным коннектором неоднородны. Авторы на базе широкой выборки контекстов, преимущественно с *то есть* 1, выделяют восемь значений пояснительного *то есть* [In'kova, Gur'ev 2018: 58–63]. Среди этих значений лишь одно невозможно для *то есть* 2 – функция **обратного определения** [In'kova, Gur'ev 2018: 59–60], поскольку *то есть* в этой функции вводит синтаксическую группу (термин).

Кроме того, в НКРЯ не встретились примеры с **то есть выбора**, при котором «благодаря присутствию *между прочим* или *в том числе*» [In'kova, Gur'ev 2018: 61] пояснение производится через квантификацию – сужение множества элементов *X*. Однако представляется, что такие примеры возможны:

(2) *Наши студенты имеют самый широкий выбор траектории образования. То есть в том числе они могут путем выбора майнора получить дополнительно иную специализацию, чем предоставляет их факультет* (пример сконструирован авторами).

Опираясь на классификацию, предложенную в [In'kova, Gur'ev 2018], выделим пояснительные функции, свойственные *то есть* 2 и укажем их частотность в выборке НКРЯ:

Определение:

(3) *Для того чтобы «поймать» очень быстрые процессы, мы применили механизм синхронизации по окончании. То есть запись ведётся постоянно, но после выключения сохраняются только последние полсекунды* [«Новгородские ведомости», 2013].

(4) *Ну что это такое – он у меня нашел эдипов комплекс. То есть, по Фрейду, я люблю и ненавижу отца, люблю – потому что отец, и ненавижу – потому*

что воспринимаю его как сексуального соперника в любви к матери [«Эксперт Северо-Запад», 2015].

В нашей выборке всего 4 подобных примера (1,5%), которые содержат, по сути, не столько собственно определение, сколько интерпретацию термина в конкретной ситуации (особенно пример (6)); функция коннектора близка к интерпретации.

Дополнение «вводит описание или предикацию Y, отличающуюся по интенционалу от описания или предикации X, но совпадающую с ней в данном контексте по экстенционалу» [In'kova, Gur'ev 2018: 59] – 27 примеров (10, 3%):

(5) *Шхуна «Параундир» обнаружила множество необитаемых безымянных островов. И на каждый из них для проверки высаживались матросы, бывшие официанты. Печально, что они не возвращались. **То есть** поселялись на островах с намерением открыть свой ресторанчик или кафе* [«Мурзилка», 2003].

Интерпретация – употребление, «эксплицирующее смысл, который говорящий хочет придать X» [In'kova, Gur'ev 2018: 59] – 60 примеров (22,9%):

(6) *Вот тут особо впечатлительных просим на всякий случай присесть... Оказалось, что это мушкетная пуля, которой не меньше двухсот лет. **То есть** она, скорее всего, вылетела из дула ещё в период войны Англии и Франции за американские колонии, в годы, описанные Фенимором Купером в «Следопыте» и «Последнем из могикан»* [«Криминальная хроника», 2003.06.24].

(В тексте речь идет о старинной пуле, обнаруженной в теле современного мальчика, поэтому интерпретация датировки события важна для автора.)

Следствие – 136 примеров (52,1%):

(7) *Машины приобретут способность понимать свое окружение и общаться по интернет-протоколу. **То есть** каждый рабочий объект станет сам определять, какую работу необходимо выполнить для производства* [«Эксперт», 2014].

Спецификация – в этой функции *то есть* вводит конкретизацию, уточнение сказанного в предшествующем контексте – 14 примеров (5,3%):

(8) *Этот бизнес кредитный и в России, и в Белоруссии, и на Украине, и практически во всех странах мира, потому что средства защиты растений в основном используются после того, как происходят все остальные закупки. **То есть** сначала ремонтируется техника, закупаются удобрения, горючее, семена* [«Эксперт», 2014].

Экземплификация, или объяснение через пример, как правило, с использованием соответствующих дискурсивных слов. В нашей выборке встретился единственный пример (0,03%):

(9) *Правда, Елена Борисовна, она же юрист, разъясняет, что новый закон не регулирует гей-парады, они должны проводиться по закону «О митингах». **То есть** вы приходите, например, в какую-нибудь местную администрацию, чтобы, в соответствии с законом о митингах, получить разрешение на*

проведение гей-парада и, в соответствии с законом, указывает цель вашего мероприятия [«Знание-сила», 2014].

Кроме этого, мы выделили функцию **обобщения**, не названную в [In'kova, Gur'ev 2018], однако чрезвычайно характерную для контекстов, где *то есть* стоит в начале предложения – 33 примера (12,6%). Это значение, по сути, антонимично значению спецификации: компонент Y обобщает то, что содержится в компоненте X:

(10) *Группа «Пони» выламывается из общей картины: они недостаточно-модные, чтобы отвечать вкусам хипстеров, и недостаточно попсовые, чтобы влиться в мейнстрим. **То есть** они совершенно вне тренда и теми интересны* [«Русский репортер», 2013].

Относительная частотность функций *то есть* 2 в нашей выборке такова: следствия (52,1%) – интерпретации (22,9%) – обобщения (12,6%) – дополнения (10,3%) – спецификации (5,3%) – определения (1,5%) – экземплификации (0,03%).

Частотность функций *то есть* 1 в выборке из НКРЯ за XXI в. выглядит несколько иначе: дополнение (22%) – интерпретация (21,7%) – следствие (20,87%) – определение (19,6%) – спецификация (10,5%) – обобщение (2,8%) – обратное определение (1,2%) – пример (0,3%).

Примечательно, что функция интерпретации весьма свойственна для *то есть* в любом положении. Этот факт и весь набор наиболее частотных функций *то есть* 1 и 2 свидетельствуют о том, что отношения эквиваленции здесь, как правило, осложнены дополнительной семантикой. Наиболее заметны различия *то есть* 1 и 2 в частотности значений обобщения (характерно преимущественно для *то есть* 2) и определения (свойственно главным образом *то есть* 1).

Таким образом, *то есть* 2 может выполнять большинство тех же функций, которые выделены преимущественно по отношению к *то есть* 1, за исключением функции обратного определения. В то же время, видимо, функции *то есть* 2 и *то есть* 1 распределены неодинаково: весьма частотная для *то есть* 1 функция определения редко встречается у *то есть* 2 и бывает осложнена элементами интерпретации, а присущая *то есть* 2 функция обобщения мало характерна для *то есть* 1.

Точка или запятая перед *то есть*: конкуренция или дистрибуция?

Анализ выборки показывает, что во многих контекстах *то есть* 1 и *то есть* 2 взаимозаменяемы. Иначе говоря, в контекстах, в которых компонент

У выражен отдельным предложением, X и У могли бы быть оформлены как части единого высказывания, например:

(11) Несомненно, это приведёт к тому, что и без того нищие бюджеты районов и городов будут поделены ещё на 10 – 15 частей. **То есть** все местные органы власти будут лишены сколько-нибудь серьёзных сумм для выполнения своих, точнее, навязанных им обязательств перед населением [«Советская Россия», 2003.07.03].

Ср.: ...И без того нищие бюджеты районов и городов будут поделены ещё на 10 – 15 частей, **то есть** все местные органы власти будут лишены сколько-нибудь серьёзных сумм...

И наоборот, в ряде примеров перед *то есть* вместо запятой можно было поставить точку:

(12) Чтобы не быть выдавленными с рынка, – говорит академик Алексей Макаров, – необходимы жесткий расчет экономической эффективности нефтегазовых проектов, контроль затрат по всей цепочке поставок углеводородов, а также правильная оценка возможных рисков, **то есть** нужна такая организация бизнес-процессов в отрасли, чтобы перекрывать дорожку чрезмерным затратам [«Эксперт», 2014].

Ср.: ...Необходимы жесткий расчет экономической эффективности нефтегазовых проектов, контроль затрат по всей цепочке поставок углеводородов, а также правильная оценка возможных рисков. **То есть** нужна такая организация бизнес-процессов в отрасли...

Можно выделить несколько причин, в силу которых замена точки на запятую оказывается нежелательна или невозможна:

1. Компонент X включает не только предшествующее предложение, но целый фрагмент текста:

(13) В свое время известный детский психолог Даниил Эльконин предложил остроумный тест на готовность к школе. Перед ребенком выкладывалась куча спичек. Экспериментатор просил брать их по одной и перекладывать в другое место. Правила были нарочито обесмыслены. Одни дети выполняли эту работу скрупулезно, тщательно, отдавая ей довольно много времени (иногда час). Они готовы к поступлению в школу. Другие дети некоторое время перекладывали спички, а потом начинали из них что-то строить. Третьи привносили в этот монотонный труд свою собственную задачу. Детям из второй и третьей группы будет трудно угодить учителю, который требует, чтобы поля в тетрадке занимали ровно пять клеточек, а расстояние между классной и домашней работой – две клеточки. **То есть** готовность к школе предполагает не столько умение читать и считать, сколько умение подчиняться правилам и усвоение социальной роли ученика [«Коммерсантъ-Власть», 2002].

Здесь предложение, вводимое *то есть*, выражает главную мысль, тему абзаца (с точки зрения макроструктуры дискурса [van Dijk 1982, 1989]).

Предшествующий контекст содержит поясняющий развернутый пример, выводом из которого служит предложение с *то есть*. (*То есть* выражает здесь отношения следствия.) При замене точки перед коннектором на запятую фрагмент Y относился бы только к предшествующему предложению, т.е. содержание компонента X изменилось бы, и вывод (следствие) не соответствовал бы исходной посылке, контекст стал бы логически неприемлемым:

(13а) *Детям из второй и третьей группы будет трудно угодить учителю, который требует, чтобы поля в тетрадке занимали ровно пять клеточек, а расстояние между классной и домашней работой – две клеточки, то есть готовность к школе предполагает не столько умение читать и считать, сколько умение подчиняться правилам и усвоение социальной роли ученика.*

Среди контекстов с *то есть* 2 немало примеров, в которых коннектор присоединяет предложение с целому фрагменту текста или одновременно к нескольким клаузам в составе сложного предложения (см. 1, 10).

2. Компонент Y вводит новую по отношению к фрагменту X тему или другую точку зрения (ср. [Радушева 2019: 48–78] о наблюдателе и точке зрения в тексте).

(14) (1) *А Россия считает своих убитых.* (2) *Потери от терактов близки к уровню потерь во время «активной фазы» антитеррористической операции.* (3) *В бездарном МВД пересчитывают тонны взрывчатки в тротиловом эквиваленте.* (4) *МВД успокаивает россиян, что шахидок из отряда «чёрных вдов» осталось уже только двадцать семь из тридцати.* (5) *То есть впереди всего двадцать семь взрывов – не больше трехсот-четырёхсот убитых в Москве и других городах, не больше полутора тысяч покалеченных* [«Завтра», 2003.08.06].

В примере (14) тема абзаца выражена в первом предложении. Далее, в 3 и 4 предложениях вводятся другие темы, поясняющие главное утверждение (предложение 4 содержит компонент X – придаточное предложение, сообщающее о 27 шахидках). Предложение (5), вводимое *то есть*, возвращает читателя к главной теме абзаца, одновременно связывая предложения 3 и 4 с главной темой. *То есть* выражает отношения следствия.

В то же время синтаксическое и пунктуационное оформление этого фрагмента обусловлено и другими причинами. В предложении (4) излагается позиция МВД, на что указывает глагол «успокаивать» – предикат главной клаузы. В предложении (5), очевидно, выражена позиция автора, а не МВД, на что указывает в том числе и ирония. Если предложение (5), как Y, присоединялось бы к X, т.е. придаточной части предложения (4), оно зависело бы от главной клаузы «МВД успокаивает россиян» и было бы подано как содержание речи представителей МВД:

(14а) *МВД успокаивает россиян, что шахидок из отряда «чёрных вдов» осталось уже только двадцать семь из тридцати, то есть впереди всего*

двадцать семь взрывов – не больше трехсот-четырёхсот убитых в Москве и других городах, не больше полутора тысяч покалеченных.

Использование *то есть* 2 как маркера изменения, поворота темы [van Dijk 1982] весьма характерно для выборки из НКРЯ: это наблюдается в примерах 7, 9, а также 5 и 6³.

Заключение

Можно говорить о том, что в предложениях с *то есть*, вводящим финитную клаузу, выбор пунктуационного оформления в целом вариативен и определяется желанием говорящего либо выделить компонент, вводимый *то есть* 2, чтобы подвести итог фрагмента, дать комментарий с авторской точки зрения или связать предшествующее изложение с другой темой – либо, напротив, представить фрагмент, вводимый *то есть* 1, как продолжение предшествующей темы. В первом случае компонент Y, вводимый *то есть*, оформлен как самостоятельное предложение и отделяется точкой, во втором – входит в состав предшествующего предложения. При этом в зависимости от контекста стратегия коммуникативной организации фрагмента и пунктуационного оформления может быть более или менее предсказуемой или даже единственно допустимой. На выбор пунктуации влияет ряд синтаксических, семантических и прагматических факторов:

стремление выразить значения обобщения в контекстах, где *то есть* вводит не синтаксическую группу, а предложение. Отметим, что примеры, где *то есть* 1 вводит финитную клаузу и выражает отношение обобщения, единичны (2 в выборке за XXI в.);

необходимость соотнести компонент Y не только с ближайшим, но и с более широким контекстом, например, абзацем;

необходимость смены темы или ввода новой точки зрения.

При этом эффект введения через Y другой точки зрения свойственен и *то есть* 1, выражающему отношения дополнения (ср.: по [In'kova, Gur'ev 2018: 59], X и Y различаются здесь по интенционалу, но в данном случае совпадают по экстенционалу). Однако *то есть* 1 в значении дополнения, по нашим данным, как правило, присоединяет синтаксическую группу, а не финитную клаузу (примеры с клаузой единичны, отношения частей в них X и Y близки к определению или спецификации). Таким образом, собственно

³ Продемонстрировать функцию *то есть* как маркера смены темы можно лишь на достаточно широком контексте, в рамках настоящей работы мы вынуждены ограничиться анализом одного примера.

дискурсивная функция смены точки зрения или поворота темы характерна именно для *то есть* 2.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что рост частотности употребления *то есть* после точки отражает развитие у *то есть* дискурсивных функций на уровне текста. На это указывают и немногочисленные случаи обособления *то есть* 2, очевидно, понятого как вводное слово:

(15) Я взял другую поговорку и тоже ее продолжил: «Он от скромности не умрет своей смертью». **То есть**, бывает такая скромность, за которую могут и пришибить. Все согласились... [Феликс Кривин, Хвост павлина (1981–1987)].

Литература

- Evgen'eva A.P. (ed.), 1981, *Slovar' russkogo âzyka*, Moskva: Russkij âzyk.
- Imennye appozitivnye konstrukcii. Podgotovitel'nye materialy, 2019, [in:] *Russkaâ korpusnaâ grammatika* [Elektronnyj resurs], URL: <http://rusgram.ru>; 1.07.2021.
- In'kova O.Û., Gur'ev A.S., 2018, K voprosu o kategorii poâsneniâ v russkoj grammatike, *Russkij âzyk v naučnom osvešenii*, 1, pp. 46–73.
- Padučeva E.V., 2019, *Ėgocentričeskie edinicy âzyka*, Moskva: Izdatel'skij Dom ÂSK.
- Priâtkina A.F., Starodumova E.A., Sergeeva G.N., Zajceva G.D., Okatova N.T., Tokarčuk I.N., Krylova G.M., Žukova T.A., Petročenko T.V., Zav'âlov V.N., 2001, *Slovar' služebnyh slov russkogo âzyka*, Vladivostok.
- Savčuk S.O., 2019, Osobennosti ustnogo naučnogo diskursa: po materialam Nacional'nogo korpusa russkogo âzyka, Analiz razgovornoj russkoj reči (AR3-2019), *Trudy vos'mogo meždisciplinarnogo seminara*, Sankt-Peterburg: Politehnika-print, pp. 88–96.
- Švedova N.Û. (ed.), 1980, *Russkaâ grammatika*, vol. II, § 3148, Moskva.
- van Dijk T.A., 1982, Episodes as units of discourse analysis [in:] D. Tannen (ed.), *Analysing Discourse: Text and Talk*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- van Dijk T.A., 1989, *Âzyk. Poznanie. Kommunikaciâ*, Moskva: Progress.